

Tożsamość (w) przestrzeni

Сущность пространства

пространство сущности

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

SCRIPTA ŁUŻNIANA
Tom II

TOŻSAMOŚĆ (W) PRZESTRZENI

СУЩНОСТЬ ПРОСТРАНСТВА /
ПРОСТРАНСТВО СУЩНОСТИ

Studia dedykowane
Profesorowi Wasilijowi Szczukinowi

Pod redakcją
Matyldy Chrzęszcz,
Kseni Dubiel
i Heleny Duć-Fajfer

Kraków

Matylda Chrząszcz

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0003-4313-5995>

✉ matylda.chrzaszcz@uj.edu.pl

Ksenia Dubiel

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0002-7512-2235>

✉ ksenia.panas@uj.edu.pl

Helena Duć-Fajfer

Uniwersytet Jagielloński, Kraków

✉ <https://orcid.org/0000-0001-9436-3846>

✉ helena.duc-fajfer@uj.edu.pl

© Copyright by individual authors, 2022

Recenzenci

dr hab. Andrzej Dudek, prof. UJ

Prof. Natalia Vesselova, University of Ottawa

Opracowanie redakcyjne

Irena Gubernat (j. polski), Yanina Ryier (j. rosyjski)

Projekt okładki

Lesław Sławiński

ISBN 978-83-8138-730-9 (druk)

ISBN 978-83-8138-731-6 (PDF)

<https://doi.org/10.12797/9788381387316>

Na okładce: mapa Moskwy, 1726 (www.rijksmuseum.nl)

Publikacja dofinansowana przez Wydział Filologiczny Uniwersytetu Jagiellońskiego

WYDAWNICTWO KSIĘGARNIA AKADEMICKA

ul. św. Anny 6, 31-008 Kraków

tel.: 12 421-13-87; 12 431-27-43

e-mail: publishing@akademicka.pl

Księgarnia internetowa: <https://akademicka.com.pl>

Fot. Barbara Szczukin

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'B. Szczukin'.

TABULA GRATULATORIA

Zbigniew Babik, Uniwersytet Jagielloński
Vsevolod Bagno, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Krzysztof Bak, Uniwersytet Jagielloński, Uni-
wersytet Sztokholmski / Stockholms
universitet
Katarzyna Bazarnik, Uniwersytet Jagielloński
Zofia Berdychowska, Uniwersytet Jagielloński
Krzysztof Bielawski, Uniwersytet Jagielloński
Piotr de Bończa Bukowski, Uniwersytet
Jagielloński
Dariusz Brodka, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Brzozowski, Uniwersytet Jagielloński
Renata Bura, Uniwersytet Jagielloński
Anna R. Burzyńska, Uniwersytet Jagielloński
Magdalena Wasilewska-Chmura, Uniwersytet
Jagielloński
Wojciech Chlebdą, Uniwersytet Opolski
Urszula Cierniak, Uniwersytet Humanistyczno-
Przyrodniczy im. Jana Długosza w Często-
chowie
Andrzej Dudek, Uniwersytet Jagielloński
Katarzyna Dybeł, Uniwersytet Jagielloński
Adam Fałowski, Uniwersytet Jagielloński
Lazar Fleishman, Uniwersytet Stanforda / Stan-
ford University
Dorota Gil, Uniwersytet Jagielloński
Pavel Glushakov, Ryga
Marek Hałaburda, Uniwersytet Papieski Jana
Pawła II
Agata Hołobut, Uniwersytet Jagielloński
Gabriella Elina Imposti, Uniwersytet Boloński /
Università di Bologna

Jadwiga Janaszek, Kielce
Maria Jodłowiec, Uniwersytet Jagielloński
Beata Kalęba, Uniwersytet Jagielloński
Jerzy Kapuścik, Uniwersytet Jagielloński
Lubov Kiselova, Uniwersytet w Tartu / Tartu
Ülikool
Jadwiga Kita-Huber, Uniwersytet Jagielloński
Anna Klimkiewicz, Uniwersytet Jagielloński
Maria Kłańska, Uniwersytet Jagielloński
Agnieszka Kocik, Uniwersytet Jagielloński
Alexandr Korablev, Doniecki Uniwersytet
Narodowy / Донецкий национальный
университет
Lesława Korenowska, Uniwersytet Pedagogicz-
ny w Krakowie
Lucyna Korycińska, Uniwersytet Jagielloński
Katalin Kroó, Uniwersytet Loránd Eötvös /
Eötvös Loránd Tudományegyetem
Olga Kuptsova, Moskiewski Uniwersytet Pań-
stwowy / Московский Государственный
университет
Halina Kurek, Uniwersytet Jagielloński
Tatjana Kuzovkina, Uniwersytet Talliński / Tal-
linna Ülikool
Andrzej de Lazari, Uniwersytet Łódzki
Bohdan Łazarczyk, Uniwersytet Jagielloński
Lidia Macheta, Uniwersytet Jagielloński
Dina Magomedova, Rosyjska Akademia Nauk /
Российская академия наук
Izabella Malej, Uniwersytet Wrocławski
Agnieszka Malska-Lustig, Uniwersytet
Jagielloński

- Elżbieta Mańczak-Wohfeld, Uniwersytet Jagielloński
- Maria Maślanka-Soro, Uniwersytet Jagielloński
- Gabriela Matuszek-Stec, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Michalak-Pikulska, Uniwersytet Jagielloński
- Roman Mnich, Uniwersytet Warszawski
- Galina Nefagina, Akademia Pomorska w Słupsku
- Arkadiy Neminushchiy, Uniwersytet Dyneburski / Daugavpils Universitāte
- Jakub Niedźwiedź, Uniwersytet Jagielloński
- Sylwia Nowak-Bajcar, Uniwersytet Jagielloński
- Ryszard Nycz, Uniwersytet Jagielloński
- Tereza Obolevitch, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Magdalena Ochniak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Oczkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Olaszek, Uniwersytet Łódzki
- Alexander Ospovat, Uniwersytet Kalifornijski / University of California
- Agnieszka Palej, Uniwersytet Jagielloński
- Ewelina Pilarczyk, Uniwersytet Jagielloński
- Irina Prokhorova, Moskiewski Uniwersytet Państwowy / Московский Государственный университет
- Elżbieta Przybył-Sadowska, Uniwersytet Jagielloński
- Wacław Rapak, Uniwersytet Jagielloński
- Renata Rodak, Uniwersytet Jagielloński
- Rozalia Sasor, Uniwersytet Jagielloński
- Yuliya Sergo, Udmurcki Uniwersytet Państwowy / Удмуртский государственный университет
- Elżbieta Solak, Uniwersytet Jagielloński
- Barbara Sosień, Uniwersytet Jagielloński
- Elena Sozina, Uralski Uniwersytet Federalny / Уральский федеральный университет
- Ewa Stala, Uniwersytet Jagielloński
- Lidia Sudyka, Uniwersytet Jagielloński
- Jan Szczepaniak, Uniwersytet Papieski Jana Pawła II
- Włodzimierz Szturc, Uniwersytet Jagielloński
- Dorota Szumska, Uniwersytet Jagielloński
- Stanisław Śnieżewski, Uniwersytet Jagielloński
- Wanda Świątkowska, Uniwersytet Jagielloński
- Marietta Turyan, Sankt Petersburg
- Anna Walczuk, Uniwersytet Jagielloński
- Jadwiga Waniakowa, Uniwersytet Jagielloński
- Halina Waszkielewicz, Uniwersytet Jagielloński
- Władysław Witalisz, Uniwersytet Jagielloński
- Natalia Vesselova, Uniwersytet Ottawski / University of Ottawa
- Grażyna Zając, Uniwersytet Jagielloński
- Marcin Ziomek, Uniwersytet Jagielloński

Spis treści

TABULA GRATULATORIA	5
BARBARA SZCZUKIN, MAŁGORZATA SZCZUKIN	
Biogram z bliskiej perspektywy nakreślony	7
HELENA DUĆ-FAJFER	
Wasilij Gieorgijewicz Szczukin – wszechstronny badacz i erudyta.....	11
SPIS PUBLIKACJI	19
WSTĘP.....	37
Введение	39
PRZESTRZEŃ GEOGRAFICZNA	41
ANDRZEJ ROMANOWSKI	
Pogranicze polsko-rosyjskie (do roku 1863). Zagadnienia i postacie	43
MAGDALENA DĄBROWSKA	
Ziemie niemieckie oczyma rosyjskich podróżopisarzy przełomu XVIII i XIX wieku – miejsca wspólne, miejsca różne (wokół <i>Listów Rosjanina podróżującego po Europie od 1802 do 1806 roku</i> Dmitrija Gorichwostowa)	55
Кристина Воронцова	
Польша в русской литературе постсоветского периода: обзор проблемы	67
Дечка Чавдарова	
Образ Коми в воспоминаниях болгарских строителей и лесорубов	77
Джон Даглас Клэйтон	
Гурзуф как <i>locus amoenus</i> в житнетворчестве А.С. Пушкина.....	89
Виктор Скрунда	
К истории русской меньшинственной идеи в межвоенной Польше (РОМ, 1934)	101

PRZESTRZEŃ PSYCHOLOGICZNA	111
URSZULA TROJANOWSKA	
„Schody w pustkę” – przestrzeń i sen w opowiadaniu <i>Szatniarz</i> Jeleny Dołgopiat.....	113
Ксения Касаткина	
Психологическое пространство «подполья» в повести Ф.М. Достоевского <i>Записки из подполья</i>	125
Сергей Доценко	
Обезвельопал А.М. Ремизова как модель «внутренней эмиграции»...	139
Валерий Мильдон	
Эней и Анна. Пространства судьбы в <i>Энеиде</i> и <i>Анне Карениной</i>	151
Ксения Дубель	
Эго – Гео. Пространство личности или личность пространства? Заметки о ранних стихах Гео Шкурупия	163
MARIA MALEWSKA	
Pamięć i tożsamość w utworze Pavla Amnuela <i>Spowiedź</i>	173
PRZESTRZEŃ TEKSTUALNA	185
Аркадий Гольденберг	
Хронотоп праздника в метасюжете Гоголя	187
HELENA DUĆ-FAJFER	
Przestrzeń rosyjskości w literaturze łemkowskiej.....	201
Людмила Луцевич	
Хронотопический континуум поэмы Александра Пушкина <i>Цыганы</i>	217
Ольга Гриневич	
Полемика с усадебным текстом Л.Н. Толстого в романе М. Степновой <i>Сад</i>	231
Юрий Доманский	
Слово «сцена» в паратексте <i>Вишнёвого сада</i> А.П. Чехова. К вопросу о пространстве реально-художественном и пространстве реально-театральном в драматургическом тексте.....	243
Татьяна Автухович	
Экфрасис как способ формирования пространства смысла	255

PRZESTRZEŃ URBANISTYCZNA.....	267
KATARZYNA SYSKA	
O mitologii miasta w dramacie Jurija Kławdijewa	
<i>Obłok przypominający delfina.....</i>	<i>269</i>
BOGUSŁAW ŻYŁKO	
O pewnej reprezentacji wieczności (Uwagi o <i>Rzymie</i> Mikołaja Gogola).....	281
DZMITRY KLIABANAU	
Topos Rzymu jako element „mitu Husowskiego” Władzimira Arłoua	
(na materiale powieści <i>Czasy dżumy</i>)	293
Михаил Строганов	
<i>Город пышный, город бедный</i> и его родственники	305
Павел Лавринец	
Поэтосфера Вильнюса как города храмов	317
Валентина Брио	
Вильнюсские дворики как особенный городской локус	329
Наталия Няголова	
Топос «города греха» в литературной урбанистике болгарской	
«оттепели». Предварительные заметки.....	343
Михаил Тимофеев	
Что делает наши ландшафты такими разными, такими	
привлекательными? (Английский индустриальный пейзаж	
XVIII-XX веков).....	355
PRZESTRZEŃ PODRÓŻY	367
MATYŁDA CHRZĄSZCZ	
Podróż do źródeł tożsamości. <i>Wschód</i> Andrzeja Stasiuka	369
MICHAŁ MILCZAREK	
<i>Wyspa</i> Gołowanowa albo o poszukiwaniu sensu w Arktyce.....	379
Александр Вавжинчак	
Путь как судьба. Повесть Виктора Астафьева <i>Перевал</i>	393

PRZESTRZEŃ WIZUALNA	405
Якуб Садовски	
Интеллигент в пространстве анимации. Мультфильмы по рассказам Эдуарда Успенского.....	407
Евгения Строганова	
Женщина с книгой в портретной живописи второй половины XVIII – первой половины XIX в. Модель и пространство. Заметки к теме	421
Наталья Мариевская	
Социальные пространства в динамике сюжета. Анализ драматургии современного фильма.....	435
Наталия Злыднева	
Концепт «путь-дорога» в русской живописи. наброски к теме	449
INDEKS OSÓB	461
Указатель имён.....	467

Людмила Луцевич
Варшавский университет

Хронотопический континуум поэмы Александра Пушкина *Цыганы*

[...] любой жизненный акт осуществляется не просто в пространстве и во времени, а в осваиваемом географическом пространстве и в культурном, очеловеченном времени, теснейшим образом с этим пространством связанным¹.

Одной из самых значительных поэтических реминисценций по отъезде Александра Пушкина из Кишинева стала поэма *Цыганы*. Ее нередко называют «бессарабской», так как здесь воспроизведен характерный географический рельеф, представлена жизнь «вольного народа», обитавшего на территории Бессарабии, использованы местные легенды и «преданья», упомянуты значимые исторические ситуации, воплощены собственно авторские впечатления от этого края.

Оригинальность поэмы определяется не только значимостью содержания, свидетельствующим о «зрелости», «душевном росте художника», композиционной целостностью, «магической напевностью», «лирической энергией»², но и особым пространственно-временным континуумом, представляющим собой некую динамическую авторскую модель мира в ее

¹ В.Г. Щукин, *Геокультурология* [в:] *Гуманитарная география: научный и культурно-просветительный альманах*, вып. 6, отв. ред. И.И. Митин, сост. Д.Н. Замятин, Институт наследия, Москва 2010, с. 246.

² В. Иванов, *О «Цыганах» Пушкина* [в:] В. Иванов, *Собрание сочинений*: в 4 т., т. 4, ред. Д.В. Иванов и О. Дешарт, введ. и примеч. О. Дешарт, Foyer Oriental Chrétien, Брюссель 1987, с. 302-303.

историко-географическом выражении, где совершаются события, функционируют персонажи, воплощаются авторские характеристики и оценки. Пространство и время в поэме тесно взаимодействуют друг с другом, благодаря чему образуют единую эстетическую реальность. Для поэта, как считает исследователь,

[...] время и пространство суть – не априорные формы созерцания [...], а некие непосредственно данные, бытийные реальности, столь же объективные, как и жизнь и мир. Доказать это нельзя, но показать можно на том несомненном факте, что стихии пространственная и временная входят как бытийно сущностные принципы в самый состав художественного объекта и определяют его структуру первично и всецело³.

Далее в статье предпринята попытка наметить некоторые значимые составляющие хронотопического континуума пушкинской поэмы *Цыганы*, помня при этом известное суждение Михаила Бахтина о том, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов»⁴.

Хронотопы пушкинской поэмы аксиологически значимы, они сосуществуют, противопоставляются, сопоставляются, рифмуются, поглощаются друг другом. Множественность хронотопов обуславливает сложные отношения между ними. Согласно Бахтину, в литературно-художественном хронотопе время и пространство неразрывно связаны: пространство «интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории», а время «сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым»⁵. В результате слияний и разрывов времени и пространства в произведении образуется своя система частных хронотопов, являющихся организационными центрами, завязывающими и развязывающими сюжетные узлы.

В поэме *Цыганы* доминантным реально-географическим, историко-эпохальным хронотопом является Бессарабия; однако став «предметом литературного описания, местом действия, местожительством героя», она превращалась «в факт уже не реального, а поэтического пространства»⁶. Конечно,

³ А.Г. Габричевский, *Пространство и время*, „Вопросы философии” 1994, № 3, с. 134.

⁴ М.М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике* [в:] М.М. Бахтин, *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Художественная литература, Москва 1975, с. 406.

⁵ Там же, с. 235.

⁶ В.Г. Шукин, *Город и миф. Исследования в области геопозитики*, ЛЕНАНД, Москва 2021, с. 291.

между миром действительным и миром, воссозданным в художественном тексте, может быть существенная разница, но вместе с тем они «неразрывно связаны друг с другом и находятся в постоянном взаимодействии»⁷.

Как географический регион Бессарабия имеет свою локальную историю и одновременно является элементом более масштабной истории. Разумеется, история и география больших пространств включают в себя множество региональных, местных локусов, топосов, хронотопов, которые могут стать значимыми гуманитарно-географическими образами художественных произведений⁸. Бессарабия интересовала Пушкина в различных аспектах: как территория «долгой брани» и страна «русской славы», воспетая Ломоносовым и Державиным; как среда обитания «младенствующего», вольного, романтического народа; как хранительница поэтических преданий, овеянных именем великого изгнанника Овидия; наконец, как место собственного недобровольного пребывания. Все в совокупности способствовало созданию многоструктурного, многозначного и вместе с тем единого реально-поэтического хронотопа.

Время – ведущий компонент хронотопа бессарабской поэмы – включает различные формы: историческое, мифологическое, сюжетное, время героев, время автора, др. Историческое эпохальное время, разъединенное в прошлое и настоящее, состоит из нескольких пластов:

- 1) эпоха римской «громкой державы», периода правления императора Августа, сославшего известного поэта Овидия (43 г. до н.э.-17 г. н.э.) в г. Томи (порт Констанца в Румынии), где он и умер. Пушкин в поэме изменил место ссылки римского поэта;
- 2) эпоха турецкого султана, «когда Дунаю / Не угрожал ещё москаль /... А правил Буджаком паша / С высоких башен Аккермана»; Аккерманская крепость, как и возникший городок, с 1484 года – в течение 300 лет – находились под властью турок; с начала XIX в. Аккерман как часть Бессарабии принадлежал России;
- 3) длительная эпоха русско-турецких войн (1806-1812), результатом которых явилось то, что «повелительные грани / Стамбулу русский указал»: в 1812 г. был заключён Бухарестский мирный договор, согласно которому России

⁷ М.М. Бахтин, *Формы времени и хронотопа в романе...*, с. 402.

⁸ См. подробнее: Е.И. Маливанова, *Гуманитарная география и географический образ пространства* [в:] Е.И. Маливанова, *Мемориальная топонимика Н.В. Гоголя: историко-литературный аспект*: автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. ф. н., СТ ПРИНТ, Москва 2018, с. 23.

перешла часть Молдавского княжества (территория Пруто-Днестровского междуречья), получившая затем статус Бессарабской области;

- 4) новое время – 20-е гг. XIX в., когда Пушкин прибыл в Бессарабию, где «орёл двуглавый / Ещё шумит минувшей славой»⁹.

Несколькими стихами, как видно, Пушкин связал в единую художественную линию звенья мировой и русской истории, придав таким образом поэме поэтический романтический масштаб и всеохватность с одной стороны, а также реально-историческую и географическую конкретность с другой. Разные временные и пространственные пласты: «римский», «турецкий», «русский» – сближаются и перекрещиваются в непрерывно изменяющемся легендарном хронотопическом континууме – Бессарабии, являющимся и местом поэтического пересечения судеб двух поэтов-изгнанников: Овидия и Пушкина.

Наряду со временем историческим в поэме представлено время мифологическое – это природно-циклическая жизнь кочующего цыганского табора. В самом начале время историческое и мифологическое объединены, поэма открывается краткой вневременной (всевременной) экспозицией: «Цыганы шумною толпой / По Бессарабии кочуют»¹⁰, где глагол настоящего времени «кочуют» в контексте поэмы приобретает значение постоянно происходящего. Кочевье – неизменный признак, вечное состояние цыганского табора в его прошлом, настоящем и будущем. Вместе с тем кочевая жизнь табора прикреплена к физическому бессарабскому горизонтальному ландшафту с его «степями», «полями», «долинами», «пустынями», «курганами». Выстроенные вертикали («луна», «месяц», «звезды», «небеса», «облака», «солнце») – не столько явления конкретно-географические или объекты индивидуального созерцания и размышления, сколько повсеместные и вовлеченные в мифологическое бытие табора. Мифологическая заданность жизни цыган подчеркивается и усиливается благодаря кольцевой композиции: поэма открывается картиной «веселого ночлега» цыганского табора, который на следующее утро «двинулся в поход», и завершается

⁹ А.Х. Вельтман завершил свое исследование Бессарабии пушкинской парафразой: «1812 год решил жребий Бессарабии: двуглавый орел расширил крыло далее на юг – и она под надлежным кровом». См.: А.Х. Вельтман, *Начертание древней истории Бессарабии. С присовокуплением исторических выписок и карты*, тип. Семена Селивановского, Москва 1828, [в:] [https://ru.wikisource.org/wiki/Начертание_древней_истории_Бессарабии_\(Вельтман\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Начертание_древней_истории_Бессарабии_(Вельтман)) (29.08.2021).

¹⁰ А.С. Пушкин, *Цыганы* [в:] А.С. Пушкин, *Собрание сочинений*: в 10 т., т. 3: *Поэмы. Сказки*, примеч. С.М. Бонди, Художественная литература, Москва 1975, с. 141. Далее сочинения Пушкина цитируются по этому изданию.

описанием ночной стоянки и ухода табора «с долины страшного ночлега». Такое хронотопическое обрамление, окольцовывающее сюжетное действие, дополнительно способствует восприятию цыганского таборного бытия как мифологического круговорота. Особое значение в поэме приобретает сюжет об иноземце – «святом старике» [Овидии – Л.Л.], слабом и робком, но обладавшим дивным песенным даром. Он был изгнан из своей страны и не сумел приспособиться к «чуждой земле». «Святой старик» жил памятью о «своем дальнем граде» и «не мила» ему была дикая «свобода». По поводу этого вставного эпизода В. Белинский писал:

Старый цыган рассказывает [...] не историю, а преданье, и не о поэте римском (цыган ничего не смыслит ни о поэтах, ни о римлянах), но о каком-то святом старике, который был «млад и жив незлобною душою, имел дивный дар песен и подобный шуму вод голос»¹¹ [выделено автором – Л.Л.].

Таким образом, «преданье» становится своего рода устным апокрифом, передаваемым из поколения в поколение и включаемым в мифическое бытие табора.

Философское пространство, в котором развивается конфликт поэмы, составляет контраст между «неволей душных городов» и «дикой вольностью», между природой и цивилизацией, между естественным и противоестественным. Мир «неволи» – это мир насилия, принуждения, подавления личности, власти Закона, богатства и праздности. Мир «воли» – это ясность, красота, «гостеприимство и покой», душевная доброта, «упоенье вечной лени». Пушкин ценит «жизненную полноту, яркость, самобытность»¹² цыган, поэтому мир «воли» в поэме – это веселье, жизнь, творчество народа и его представителей; мир «неволи» – это мертвенность, однообразие, скука. Цыганский мир не знает закона: «Мы дики, нет у нас закона», – не имеет чувства долга, обязанностей. Отношения в этом мире строятся на свободной любви, на личных привязанностях, пристрастиях, выгоде каждого. И такие отношения отвергают «кровь», «стоны», «казнь». После кровавой расправы,

¹¹ В.Г. Белинский, *Собрание сочинений*: в 9 т., т. 6: *Статьи о Державине. Статьи о Пушкине. Незаконченные работы*, ред. Ю.С. Сорокин, подгот. текста В.Э. Богграда, статья и примеч. К.И. Тюнькина, Художественная литература, Москва 1981, с. 336.

¹² Ю.М. Лотман, З.Г. Минц, «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока [в:] Ю.М. Лотман, *Избранные статьи*: в 3 т., т. 3: *Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки*, Александра, Таллин 1993, с. 253.

совершенной Алеко, никто из цыган даже не подумал о мести, никто не покусился на жизнь убийцы. То, что услышал Алеко из уст старого цыгана: «...оставь же нас, / Прости, да будет мир с тобою», – продиктовано не только природной мудростью естественного человека, но и, возможно, нежеланием выйти из сложившейся традиции.

Цыганский табор внешне противопоставлен городу как свободное бытие несвободному. При этом естественная жизнь определяется такими топосами, как «река», «степь», «поле», «равнина», «дорога», соотносящимися с движением кочевым, а также контекстуальными локусами цыганского жилья: «телега», «шатер», «молдаванский двор»¹³. В самом начале поэмы возникает топос реки, который мифологизирует текст. В мифологии река – элемент сакральной топографии. Герой, оказавшись «у реки», обречен на гибель, на уход: в поэме погибают молодой цыган, Земфира; изгнан Алеко; уходит табор. Кроме того, река часто соотносится в перцепции с идеей все-ленской реки – пути, соединяющем разные миры («природа» – «цивилизация»; «верх» – «низ»; «воля» – «неволя», др.) В дальнейшем тексте река конкретизируется: в «преданье о поэте» («Он жил на берегах Дуная»), в «повести» Старика («Однажды близ Кагульских вод»). Упоминание реки в поэме, как и в мифологии, предваряет драму, трагедию, утрату: «На берегах Дуная» умер, не дождавшись прощения, римский поэт; «близ Кагульских вод» ушла от Старика «в чуждый табор» Мариула.

Из мифологизированного времени-пространства в первой же части поэмы выдвигаются индивидуальные лица: Старика – старого цыгана – и его «молоденькой дочери» Земфиры, отправившейся «гулять в пустынном поле». Ночью «за курганом» она «нашла» Алеко и привела его в табор. Встреча героев, как известно, одно из древнейших сюжетобразующих событий. Первая встреча, внезапно вспыхнувшее чувство – исходный толчок сюжета; месть Алеко: убийство Земфиры и ее возлюбленного, – это конечная точка событийного движения. Между ними развивается сюжетная динамика. Хронотоп встречи неизбежно выводит к хронотопу дороги в узком и широком (как выбора жизненного пути) значении слова. На предложение Старика: «[...] Останься [...] / Будь наш – привыкни к нашей доле», – Алеко отвечает:

¹³ «В современной филологической литературе локус, как правило, соотносится с закрытым, конкретным пространственным образом, отсылающим к действительности, а топос – с открытым пространственным образом, местом разворачивания смыслов». См.: А.Х. Гольденберг, *Локус дома в мифопоэтике Гоголя* [в:] *Дом-музей писателя: история и современность. XI Гоголевские чтения: сборник науч. статей по матер. междунар. науч. конф.*, Новосибирский издательский дом, Москва: Новосибирск 2011, с. 191.

«Я остаюсь». Встретив Земфиру, полюбив ее, герой погрузился в мерный круговорот жизни табора. Став «вольным жителем мира», герой включился в новую для него пространственно-временную парадигму, где нет места «городам», «цепям», «палатам».

Хронотоп степи, встречаясь довольно часто, структурирует текст. Здесь «нестройно», вольно идет жизнь, завязываются сюжеты, происходят встречи, разлуки, расставания. Степь – это и хронотоп, мифологизированный поэтически (с кострами на земле и звездами в небесах), и исторический, и реально-географический с региональными названиями («степи Кагула», «Буджакская степь»). В качестве текстуальных синонимов степи используются слова «пустыня», «равнина», «поле», в которых на первый план выдвигается преимущественно значение необитаемости, безлюдности пространства: «Пошла гулять в пустынном поле», «Его в пустыне я нашла...», «Толпа валит в пустых равнинах», «Уныло юноша глядел / На опустелую равнину», «Она в пустынной тишине / Часы ночные проводила», «В пустынях часто я бродил», «В пустынях не спастись от бед».

В хронотопе степи немаловажен топоним кургана (могильного холма). Земфира «за курганом», «в пустыне» встретила Алеко; «за курганом над могилой» она назначила свидание молодому Цыгану; «за дальними курганами» Алеко совершил свою страшную месть. Характер событий, происходящих «у кургана», оказывается поворотным, сюжетообразующим, динамизирующим, соотносящимся непосредственно с завязкой, кульминацией, развязкой.

Хронотопу степи противопоставлен хронотоп города с его локациями «палат», «оград», «цепей», «ковров», «пиров». Он определяет событийное прошлое героя. Приняв новый образ жизни, герой буквально обрушился на «город», цивилизацию, просвещение, при этом он сам в немалой степени символизирует так называемое «русское возвращение к природе» через «русский бунт против культуры»¹⁴. Ю.В. Манн указывал на высокую идеологизированность Алеко, отмечая при этом, что его обвинения «городу» – своего рода «законченные пункты программы»¹⁵. Действительно, Алеко выступает против ложной стыдливости чувства и мысли, против устаревших кумиров, против власти денег и любого рабства, против

¹⁴ Д.С. Мережковский, *Пушкин [в:] Пушкин в русской философской критике: конец 19 – первая половина 20 вв.* сост., вступ. статья, библиограф. справки Р.А. Галъцевой, Книга, Москва 1990, с. 110.

¹⁵ Ю.В. Манн, *Поэтика русского романтизма*, Наука, Москва 1976, с. 76.

городского – искусственного – образа жизни. Хронотоп города, созданный Алеко, становится символом цивилизаторской несвободы, неволи.

Покинув «город», Алеко устремляется «на волю» – в любовь Земфиры. Он страстно желает любить и быть любимым. Он жаждет сделать любовь движущей силой, организующей его новую, настоящую жизнь. При этом Алеко, обладая определенным опытом «высокой» любви, обнаружил ни с чем не сравнимые искренность и непосредственность чувств юной цыганки. Возлюбленная стала «для него дороже мира». Узнав об измене Земфиры, Алеко пережил глубочайшее потрясение: потеря ее была равнозначна крушению «мира». Напрасно Старик, рассказывая «повесть о самом себе», о своем прошлом, пытался утешить Алеко:

Ах, быстро молодость моя
Звездой падучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее: только год
Меня любила Мариула¹⁶.

Вся последующая жизнь старого цыгана определялась этим «годом», трудным опытом его осмысления и, наконец, мудрым смирением: «Чредою всем дается радость / Что было, то не будет вновь»¹⁷.

Алеко не желает принять позицию Старика, он живет не прошлым, а настоящим, которое определяется единственно значимой ценностью – любовью Земфиры. С ее помощью Алеко возродился и стремился как бы перерастить самого себя, вот почему утрата губительна, катастрофична для него. Для защиты своей любви он в отчаянье обращается, конечно, не к чужому и чуждому опыту Старика, а к своему, соотносящемуся теперь вновь с цивилизацией, законностью; он вспоминает о своих «правах»: «Я [...] от прав моих не откажусь»; ревность застилает ему глаза: «...или хоть мщеньем наслажусь». В то время как Алеко видит «тяжкий сон», Земфира спешит на свиданье к молодому цыгану. Сама сцена свидания построена сплошь на темпоральных репликах, передающих стремительное движение времени в состоянии любви: «пора», «доле», «покамест», «когда ж опять», «сегодня, как зайдет луна», «постой, дождемся дня», «уж поздно», «Минуту!».

¹⁶ А.С. Пушкин, *Собрание сочинений...*, с. 153.

¹⁷ Там же, с. 154.

Индивидуальный хронотоп Алеко имеет разветвленную организацию. Он наделен разновременным по отношению к сюжетному действию прошлым («рожден среди богатого народа», «приучен к неге», «его преследует закон») и еще более сложным настоящим, где присутствует настоящее первое: «Я остаюсь»; настоящее второе: через «два лета», когда «Презрев оковы просвещения / Алеко волен [...] ведет кочующие дни», «прежних лет не помня даже»; настоящее третье: вечером Земфира поет песню о старом муже и вызывает у героя страшные муки ревности («Алеко внемлет и бледнеет»); настоящее четвертое: пробуждение ото сна («Встает он, из шатра выходит [...] Вдруг видит близкие две тени»); месть: «Куда вы! не спешите оба; / Вам хорошо и здесь у гроба». После убийства Земфиры и Цыгана наступает окаменение – беспросветная вечность, смерть, небытие:

[...] Алеко за холмом
С ножом в руках, окровавленный
Сидел на камне гробовом¹⁸.

[...] когда же их закрыли
Последней горстию земной,
Он молча медленно склонился
И с камня на траву свалился¹⁹.

Для Алеко время остановилось. Но жизнь цыганского табора продолжалась: цыгане простились с погибшими, похоронили их, старый цыган – отец Земфиры – вынес свой «приговор», который ничего не добавил к уже свершившемуся; «шумная толпа» снялась «с долины страшного ночлега» и двинулась в неостановимый, неизменный, замкнутый бессарабским пространством, путь. Алеко (как и в начале поэмы) остался в одиночестве, выпав из цыганского мифологического кочевья. Герой лишился «стаи». Значимо здесь уподобление Алеко смертельно раненному журавлю:

Пронзенный гибельным свинцом
Один печально остается,
Повиснув раненным крылом²⁰.

¹⁸ Там же, с. 153.

¹⁹ Там же, с. 158.

²⁰ Там же.

Закрытое, ограниченное пространство телеги «темной», а также уподобление героя одинокой гибнущей птице прямо соотносится локусом гроба, могилы, с хронотопом смерти.

Обратим внимание на тот факт, что хронотоп движения в поэме не односторонен для табора («путь») и Алеко («дорога»). В словаре В.И. Даля в толковании этих слов есть немало общего: «ездовая полоса», «направленье», «способ для достижения чего», но есть и отличия: «путь» – «польза, прок, толк, успех, выгода»²¹; «дорога» – «род жизни, образ мыслей; дела и поступки человека»²². Эти различия в толковании синонимов показательны. В связи с образом дороги как формы структурирования пространства, как правило, появляется идея пути как выражение определенного образа жизни. Применительно к табору автор использовал существительное «путь»: табор готов двинуться «утром в путь недалний»; применительно к герою – «дорога». Вначале дорога Алеко бескрайня, ничем не ограничена: «Ему везде была дорога», затем она сужается, совпадая с путем табора: «В селеньях, вдоль степной дороги / Алеко с пеньем зверя водит», и наконец превращается в пунктир «зловещего следа», приводящего к «могиле на краю дороги». Хронотоп могилы стал точкой завершения пути-дороги, местом гибели не только Земфиры и ее возлюбленного, но и самого Алеко.

У Алеко было прошлое, определяемое культурой, цивилизацией, просвещением – «городом», у него было кочевое, таборное настоящее, определяемое любовью Земфиры, с помощью которой он сохранил и даже на время вновь обрел себя, но у него не оказалось будущего. По-видимому, не случайно Пушкин не включил в поэму монолог Алеко у колыбели сына – это был бы прорыв в будущее.

Скитание героя по бессарабским степям оказалось процессом поиска, обретения, утраты самого себя. Неприятие цивилизации в целом привело к нравственной гибели человека, не знающего иных форм выживания в природном мире, кроме форм культуры, высокой духовности. «Без духовного созерцания, – предупреждал И. Ильин, – человек может наделать на земле много крика и шума, свершить множество зла и пролить моря крови...», только «духовное созерцание открывает человеку смысл вселенной, включает его

²¹ В.И. Даль, *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т., т. 3, Русский язык, Москва 1978-1980, с. 543.

²² Там же, т. 1, с. 473.

в Божью ткань мира, делает его жизнь предметной и приобщает его самого к творчеству»²³.

Все уникальное многообразие: мифология, философия, история; природа и цивилизация; жизнь народа и жизнь индивидуума, сведенные в мифолого-историческое бессарабское время-пространство, – в конечном итоге подчинено авторскому объединяющему хронотопу с его романтической (пессимистической) общечеловеческой сентенцией:

И всюду страсти роковые,
И от судеб защиты нет²⁴.

В результате проведенного исследования можно отметить, что время-пространство пушкинской поэмы обуславливает в целом основу ее композиции, а бессарабский хронотопический континуум с его топосами и локусами определяет его семантико-стилистическое своеобразие. Многоструктурный, многозначный и вместе с тем единый реально-поэтический бессарабский хронотоп предопределяет как кочевое бытие цыганского табора, так и судьбы персонажей.

Библиография

- Бахтин М.М., *Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет*, Художественная литература, Москва 1975.
- Белинский В.Г., *Собрание сочинений*: в 9 т., т. 6, Художественная литература, Москва 1981.
- Вельтман А.Х., *Начертание древней истории Бессарабии. С присовокуплением исторических выписок и карты, сочиненное Генерального штаба штабс-капитаном Вельтманом*, тип. Семена Селивановского, Москва 1828, [в:] [https://ru.wikisource.org/wiki/Начертание_древней_истории_Бессарабии_\(Вельтман\)](https://ru.wikisource.org/wiki/Начертание_древней_истории_Бессарабии_(Вельтман)).
- Габричевский А.Г., *Пространство и время*, „Вопросы философии” 1994, № 3.

²³ И.А. Ильин, *Одинокий художник: статьи, речи, лекции* сост., предисл., примеч. В.И. Белов, Искусство, Москва 1993, с. 101.

²⁴ А.С. Пушкин, *Собрание сочинений...*, с. 159.

- Гольденберг А.Х., *Локус дома в мифопоэтике Гоголя* [в:] *Дом-музей писателя: история и современность. XI Гоголевские чтения: сборник науч. статей по матер. междунар. науч. конф.*, Новосибирский издательский дом, Москва–Новосибирск 2011, с. 191–199.
- Даль В.И., *Толковый словарь живого великорусского языка*: в 4 т., т. 3, Русский язык, Москва 1978–1980.
- Иванов В., *О «Цыганах» Пушкина* [в:] В. Иванов, *Собрание сочинений*: в 4 т., т. 4 под ред. Д.В. Иванова, О. Дешарт, введ. и примеч. О. Дешарт, Foyer Oriental Chrétien, Брюссель 1987.
- Ильин И.А., *Одиноким художник: статьи, речи, лекции*, сост., предисл., примеч. В.И. Белов, Искусство, Москва 1993, *История эстетики в памятниках и документах*.
- Лотман Ю.М., Минц З.Г., «Человек природы» в русской литературе XIX века и «цыганская тема» у Блока [в:] Ю.М. Лотман, *Избранные статьи*: в 3 т., т. 3: *Статьи по истории русской литературы. Теория и семиотика других искусств. Механизмы культуры. Мелкие заметки*, Александра, Таллинн 1993.
- Маливанова Е.И., *Мемориальная топонимика Н.В. Гоголя: историко-литературный аспект*, автореф. дис. на соиск. учен. степ. к. ф. н., СТ ПРИНТ, Москва 2018.
- Манн Ю.В., *Поэтика русского романтизма*, Наука, Москва 1976.
- Мережковский Д.С., *Пушкин* [в:] *Пушкин в русской философской критике: конец XIX – первая половина XX вв.*, сост., вст. ст., биобибл. справки Р.А. Гальцевой, Книга, Москва 1990, *Пушкинская библиотека*.
- Проскурин О.И., *Из истории одесского текста поэмы Пушкина Цыганы. К методике чтения пушкинских рукописей* [в:] *Пермяковский сборник*, ч. 2, сост. Н. Мазур, Новое издательство, Москва 2010.
- Проскурин О.И., *Русский поэт, немецкий ученый и бессарабские бродяги: что Пушкин знал о цыганах и почему скрыл от читателей свои познания*, «Новое литературное обозрение» 2013, № 123 (5).
- Пушкин А.С., *Собрание сочинений*: в 10 т., т. 3: *Поэмы. Сказки*, примеч. С.М. Бонди, Художественная литература, Москва 1975.
- Щукин В.Г., *Геокультурология* [в:] *Гуманитарная география: научный и культурно-просветительный альманах*, вып. 6, отв. ред. И.И. Митин, сост. Д.Н. Замятин, Институт наследия, Москва 2010.
- Щукин В.Г., *Город и миф. Исследования в области геопоэтики*, ЛЕНАНД, Москва 2021.
- Энгельгардт Б.М., *Литературоведение. Избранное*, Юрайт, Москва 2019, *Антология мысли*.

ABSTRACT

Chronotopic Continuum of Alexander Pushkin's poem *The Gypsies*

The article attempts to outline some of the significant components of the chronotopic continuum of Pushkin's poem *The Gypsies*. Bessarabia is the dominant real-geographical and historical-epoch-making chronotope, which interested Pushkin in various aspects: as the territory of "long battle" and the country of "Russian glory", as the habitat of the "infant" people, as the keeper of poetic legends fanned by the name of Ovid, as the place of his own involuntary stay.

Everything in the aggregate has contributed to the creation of a multi-structured, multi-valued and at the same time a single real-poetic time-space, where chronotopes, toposes and locuses closely interact, coexist, oppose, compare, rhyme, absorb each other, defining both the nomadic life of the gypsy camp and the fate of individual characters.

Keywords: chronotope, continuum, Pushkin, *The Gypsies*, Bessarabia

Ключевые слова: хронотоп, континуум, Пушкин, *Цыганы*, Бессарабия

Tom jubileuszowy, który oddajemy do rąk czytelnika, stanowi wyraz najwyższego uznania wobec imponującego dorobku naukowego oraz wdzięczności za lata działalności dydaktycznej Pana Profesora Wasilija Szczukina. Publikacja jest próbą odzwierciedlenia szerokiego spektrum zainteresowań badawczych Jubilata, oscylujących wokół historii literatury i kultury rosyjskiej, metodologii badań literackich, poetyki sztuki totalitarnej, a także szeroko rozumianej geografii humanistycznej; osadza jednocześnie te pojęcia w kontekście macierzystym badacza – to jest fenomenów przestrzeni i tożsamości. Z wielką radością pragniemy podkreślić, że niniejsza księga, na którą złożyły się teksty wielu wybitnych badaczy literatury, sztuki i kultury, pragnących uhonorować Profesora Szczukina, stanowi platformę do wymiany myśli naukowców reprezentujących ośrodki naukowo-akademiczne między innymi w Polsce, Izraelu, Bułgarii, Kanadzie, Stanach Zjednoczonych, Rosji, na Litwie i Białorusi, co należy uznać za jawne świadectwo swoistej niezależności nauki i jej niepodlegania różnorodnym ograniczeniom, które w danym czasie i danej przestrzeni mogą hamować kontakty i zaburzać procesy konsolidacyjne na bazie twórczej wymiany.

<https://akademicka.pl>

ISBN 978-83-8138-730-9

